

DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-6-79-88

УДК 336.7,338.2,339.7(045)

JEL E58, F33, G28

Три цели международного банковского регулирования: анализ взаимосвязности и противоречий

Э.П. Джагитян^а, О.Р. Мухаметов^б^{а, б} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия;^б Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов России, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Ужесточение международного банковского регулирования в посткризисный период, направленное на укрепление стрессоустойчивости банков, минимизацию банковских рисков и достижение финансовой стабильности, должно уменьшить опасность новых кризисов и обеспечить экономический рост. Учитывая накопившиеся кредитные риски и проблемы с ликвидностью, а также роль банков в формировании динамики макросреды, цели банковского регулирования, взаимодействуя между собой, могут вступать в противоречие друг с другом, и исследование этого феномена является **предметом** рассмотрения данной статьи. В научной дискуссии не существует однозначного вывода о достижении регулятивной реформы вышеуказанных целей, что обуславливает **актуальность** исследования. **Научная новизна** заключается в принципиально ином подходе к оценке эффективности посткризисной регулятивной модели, основанной на анализе взаимодействия и противоречий целей современной регулятивной политики. **Цель** настоящего исследования — определить, в какой мере были достигнуты цели посткризисной модели регулирования и в какой мере усилия регуляторов способствуют снижению системных рисков. Использованы **методы** статистического и сравнительного анализа; синтеза факторов, составляющих основу посткризисного регулирования; систематизации, обобщения и прогнозирования. Авторы провели анализ основных составляющих реформы, рассмотрели динамику показателей банковского сектора, а также оценили влияние реформы на системные риски и экономический рост. **Результаты** исследования свидетельствуют о том, что более жесткие стандарты надзора укрепили стрессоустойчивость банков, снизили уровень системных рисков, а также оказали ограниченное влияние на экономический рост. Сделан **вывод**, что цели банковского регулирования активно взаимодействуют между собой, но при этом не вступают в противоречие: последовательный переход к новым стандартам Базеля III позволяет достичь каждой цели.

Ключевые слова: банковское регулирование и надзор; Базель III; кредитные риски; системные риски; ликвидность; системно значимые банки; финансовая стабильность; экономический рост

Для цитирования: Джагитян Э.П., Мухаметов О.Р. Три цели международного банковского регулирования: анализ взаимосвязности и противоречий. *Финансы: теория и практика*. 2023;27(6):79-88. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-6-79-88

ORIGINAL PAPER

Three Objectives of International Banking Regulation: Analysis of Their Interrelationship and Issues

E.P. Dzhagityan^а, O.R. Mukhametov^б^{а, б} HSE University, Moscow, Russia;^б Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russia

ABSTRACT

In response to the Global Financial Crisis of 2008–2009, international financial regulators tightened the regime of banking supervision in order to minimize systemic risks, strengthen banking sector resilience and ensure financial stability. Given the increased level of credit risks and the issue of liquidity in the banking sector, as well as the role of banks in promoting the dynamics of the macro-environment, the objectives of banking regulation, through their interrelationship, may conflict with one another, and the research of this phenomenon is the **subject** of this article. The academic literature excludes research that provides definitive evidence on whether post-crisis banking regulation reform has achieved each of the abovementioned goals, determining the **relevance** of our study. The **scientific novelty** is

© Джагитян Э.П., Мухаметов О.Р., 2023

attributed to the principally different approach proposed by the authors in assessing the effectiveness of the post-crisis model of international banking regulation, which is based on the analysis of the interaction and contradictions of the objectives of modern regulatory policy. The **purpose** of the study is to identify the extent to which the objectives of the post-crisis regulatory model were achieved and to what extent regulatory efforts contribute to the reduction of systemic risks. To achieve the research objectives, the authors applied methods of statistical and comparative analysis, synthesis of factors underlying the post-crisis regulatory mechanism, systematization, generalization and forecasting. The authors analyzed the main elements of the regulatory reform, examined the dynamics of the banking sector, and assessed the impact of the reform on systemic risks and economic growth. The research **results** show that tighter supervisory standards strengthened bank stress resilience, reduced systemic risks, and had a limited impact on economic growth. The article **concludes** that the objectives of banking regulation actively interact, but do not conflict: a consistent transition to the new Basel III standards allows each objective to be achieved.

Keywords: banking regulation and supervision; Basel III; credit risks; systemic risks; liquidity; systemically important banks; financial stability; economic growth

For citation: Dzhagityan E.P., Mukhametov O.R. Three objectives of international banking regulation: Analysis of their interrelationship and issues. *Finance: Theory and Practice*. 2023;27(6):79-88. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-6-79-88

ВВЕДЕНИЕ

Цели посткризисной регулятивной модели

Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. продемонстрировал неизбежность международной реформы банковского регулирования (далее — реформа), направленной на снижение рисков в банковском секторе до уровня, необходимого для достижения финансовой стабильности вне зависимости от кризисогенности макросреды и внешних шоков. Микропруденциальный сегмент регулирования, разработанный Базельским комитетом по банковскому надзору (БКБН), известный как Базель III, в рамках задачи-минимум призван обеспечить стрессоустойчивость банков за счет минимизации их кредитных (и, соответственно, системных) рисков, а в рамках задачи-максимум — вернуть им роль гаранта финансовой стабильности и локомотивов экономического роста.

Стандарты Базеля III, которые к настоящему времени в той или иной мере внедрены в странах — членах БКБН, способствуют укреплению устойчивости в банковском секторе. Об этом свидетельствует тот факт, что даже в условиях неэкономических причин кризиса, вызванного пандемией COVID-19, банки большинства стран продолжали выполнять функцию финансового посредничества¹ (здесь сыграла свою роль и антикризисная экстрамягкая монетарная политика, которая способствовала обеспечению достаточной ликвидности в банковском секторе). Вместе с тем, хотя банки в основном

успешно адаптировались к Базелю III, его требования к минимальной достаточности капитала ограничивают объемы кредитования, что может сдерживать экономический рост. Впрочем, потери ВВП и уровень издержек для экономики вследствие финансовых кризисов, которые могли бы возникнуть в отсутствие реформы, оказались бы выше и, вероятно, имели бы долгосрочные негативные последствия.

В этих условиях в центре внимания реформы оказались вопросы полноформатной функциональности банков с учетом как жестких надзорных стандартов, так и их роли поставщика ликвидности для рынка. Однако реформа, обеспечивая устойчивость банков к кризисам за счет минимизации рисков, могла в то же время оказать негативное влияние на их кредитный потенциал, тем самым сдерживая экономический рост. Данная ситуация, по нашему мнению, формирует три цели регулятивной политики, от достижения которых будут зависеть финансовая стабильность и экономический рост:

- минимизация кредитных рисков как залог функциональности банков;
- минимизация системных рисков как залог стрессоустойчивости банков;
- адаптация банков к посткризисной регулятивной модели.

Базируясь на целях реформы, в настоящей работе исследуется взаимодействие между ними: каким образом реформа влияет на каждую из целей и нет ли между ними противоречий. На основе обобщения результатов исследований и анализа первичных данных формулируются выводы по повышению эффективности банковского надзора и дальнейшего совершенствования банковского регулирования. Мы уверены, что

¹ Bank for International Settlements (2020) Implementation of Basel standards: A report to G20 Leaders on implementation of the Basel III regulatory reforms. November. URL: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d510.pdf> (дата обращения: 21.03.2022).

в контексте современной рискологии данные выводы будут способствовать расширению понимания рисков и их источников, что позволит финансовым регуляторам оптимизировать поиск новых инструментов по снижению банковской рискогенности, а также оценить пределы влияния принимаемых мер на экономическую активность в финансовом секторе.

КРЕДИТНЫЕ РИСКИ БАНКОВ

Подходы к оценке кредитных рисков

К моменту наступления мирового финансового кризиса в банковских секторах накопились диспропорции между активами и внебалансовыми обязательствами, между активами и собственными средствами банков, а также нарастающий дефицит банковской ликвидности². Будучи источником рисков, эти диспропорции вкупе с политикой финансового дерегулирования не могли не стать «бомбой замедленного действия» для финансовой сферы.

Поскольку кредитные операции являются центральным звеном банковской деятельности, основное внимание в ходе реформы было уделено кредитным рискам. Нововведения реформы предполагают зависимость минимальной достаточности капитала банка от суммы активов, взвешенных с учетом риска (risk-weighted assets, RWA). Хотя активы и оцениваются на основе кредитного, рыночного и операционного рисков, кредитный риск традиционно оказывает наибольшее влияние на уровень RWA ввиду того, что доля кредитных активов составляет не менее 60–70% банковских активов. Соответственно, от уровня кредитного риска зависит стрессоустойчивость банка и его состоятельность, в чем, собственно, и заключается суть основного блока реформы. С другой стороны, от того, в какой мере методология расчета RWA окажет влияние на сопоставимость достаточности капитала и доверие инвесторов к показателям кредитных рисков, будет зависеть стоимость капитала и другие операционные издержки, что, в свою очередь, создаст предпосылки для формирования справедливой конкурентной среды в банковском секторе. При этом с ростом конкуренции будет снижаться уровень кредитного риска [1], а более высокий уровень осведомленности инвесторов о финансовом состоянии банков откроет им новые

возможности по привлечению капитала с относительно низкими издержками.

Буферы капитала как способ управления кредитными рисками

Справедливая оценка показателя RWA необходима не только для сопоставимости уровня кредитных рисков, но также и для регулятивных действий по укреплению стрессоустойчивости банков. Речь идет о дополнительных надбавках (буферах) к нормативам достаточности капитала с целью обеспечения кредитования экономики в объеме, который не зависел бы от кризисных явлений, а также для абсорбирования возможных убытков, способствуя тем самым стабильности в банковском секторе [2].

Расширение полномочий банков по управлению кредитными рисками, например посредством внедрения IRB-подхода (от англ. Internal Ratings-Based Approach), наряду с усилением надзорных требований не только укрепили их стрессоустойчивость и рыночную дисциплину, но также в значительной мере способствовали дерискизации их операционных моделей. Вполне очевидно, что основным критерием эффективности посткризисного регулирования становятся не показатели деятельности банков, а их способность не утрачивать свой потенциал в условиях нестабильности. В этой связи не удивительно, что дополнительные буферы капитала привели к сокращению его дефицита [3], несмотря на некоторое снижение темпов роста объема кредитования [4, 5]³, росту операционной прибыли [6] и способности банков абсорбировать риски даже в условиях кредитной экспансии [7]. Кроме того, более высокие требования к капиталу способствовали росту качества кредитных активов [8]. Таким образом, регулятивная «встряска» в банковском секторе способствовала решению одновременно нескольких задач, объединенных целями его очищения от факторов, тормозящих дерискизацию, и укреплению функциональности банков, являющемуся залогом финансовой стабильности.

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ БАНКОВ

Уроки мирового финансового кризиса свидетельствуют о высокой подверженности банков внешним вызовам, вне зависимости от их раз-

² Basel Committee on Banking Supervision. (2008). Comprehensive strategy to address the lessons of the banking crisis announced by the Basel Committee. URL: <https://www.bis.org/press/p081120.htm> (дата обращения: 21.02.2022).

³ Данный вывод является неоднозначным: ряд исследований свидетельствует об отсутствии какого-либо влияния международной реформы банковского регулирования на объемы банковского кредитования (см., например, [5]).

мера, рыночной специализации и активности на финансовых рынках. Выдвинутые на передний план реформы повышенные стандарты надзора способствовали не только сокращению кредитных рисков, но также и укреплению стрессоустойчивости банков и минимизации системных рисков. Дальнейшие исследования показали безальтернативность такого подхода — как в рамках отдельных банков [9], так и по банковскому сектору в целом [10, 11].

Об эффективности посткризисной модели банковского регулирования свидетельствует рост достаточности базового капитала банков на примере стран — членов ЕС — с 12,72% во II квартале 2015 г. до 15,6% во II квартале 2021 г., а капитала первого уровня — с 13,44 до 16,87% за тот же период⁴. Дополнительные усилия банков по пополнению капитала осуществлялись в увязке с усилением контроля за качеством кредитов, в связи с чем доля проблемных кредитов снизилась с 7,48 до 2,32%⁵. Кроме того, возросла способность банков к абсорбированию внешних шоков, что в значительной мере снизило вероятность трансформации рисков в общеэкономический кризис в период пандемии COVID-19.

Системно значимые банки и системные риски

В рамках мер по снижению стрессовости в банковском секторе международные регуляторы выделили в отдельную надзорную категорию крупнейшие транснациональные банки как потенциальный источник макрофинансовой нестабильности, которые в то же время чувствительны к внешним шокам. За такими банками, отнесенными к категории глобальных системно значимых банков (ГСЗБ), был установлен усиленный режим надзора. В отличие от эпохи дерегулирования, системная значимость банка определяется не как вероятность банкротства ГСЗБ, а как последствие влияния его дисфункции на состояние финансовой сферы и макроуровня.

В сравнении с остальными банками ГСЗБ оказывают заметное влияние на финансовую стабильность, в том числе через каналы трансмиссии рисков [12, 13], что обуславливает повышенный уровень связанных с ними рисков в случае нестабильности. Специфика ГСЗБ получила отражение

в методологии БКБН⁶, в соответствии с которой к ним применяются надбавки к капиталу в зависимости от уровня их системной значимости: чем выше уровень, тем выше надбавка.

Несмотря на усилия регуляторов, дополнительный буфер к капиталу ГСЗБ не в полной мере снизил системную стрессовость, в том числе вследствие неурегулированности вопроса рыночной дисциплины [14]. Дело в том, что несмотря на ряд регулятивных ограничений, снижение объема операций ГСЗБ с инструментами повышенного риска не достигло уровня, при котором могли бы беспрепятственно выполняться задачи международных регуляторов по достижению финансовой стабильности. В этой связи в 2015 г. концепция регулятивной модели была дополнена TLAC — консолидированным показателем покрытия возможных убытков, который усиливает ответственность ГСЗБ за соблюдение рыночной дисциплины. Такой подход способствовал укреплению их стрессоустойчивости, о чем свидетельствует перевод ряда ГСЗБ в группы с более низкими значениями надбавок за системную значимость на рубеже 2020-х гг.⁷

В итоге реформа привела к снижению системных рисков [15] и, соответственно, рисков финансовых кризисов, способствовала снижению уровня взаимосвязанности ГСЗБ [16], диверсификации источников прибыли [17], а упрощение их операционной модели стало также и фактором снижения системной стрессовости [18]. Вместе с тем, хотя во время кризисов функциональность банков остается гарантом финансовой стабильности, не вполне ясно, в какой мере соответствие стандартам Базеля III будет оставаться фактором стрессоустойчивости в случае новых шоков. Дело в том, что в периоды нестабильности банковский сектор, в отличие от других сегментов финансовой системы, становится основным очагом обострения системных рисков [19], в том числе ввиду роста уровня системной значимости банков, обусловленного кризисными явлениями [20]. Вопрос упирается в дилемму между объемом капитала, необходимого для обеспечения стрессоустойчивости, и издержками, связанными с привлечением

⁴ European Central Bank (2022) ECB data portal. URL: <https://data.ecb.europa.eu/> (дата обращения: 26.03.2022).

⁵ European Central Bank (2022) ECB data portal. URL: <https://data.ecb.europa.eu/> (дата обращения: 25.03.2022).

⁶ Basel Committee on Banking Supervision (2021) The Basel framework. SCO40 — Global systemically important banks. URL: https://www.bis.org/basel_framework/chapter/SCO/40.htm?inforce=20211109&published=20211109 (дата обращения: 21.03.2022).

⁷ Financial Stability Board. List of Global Systemically Important Banks (за соответствующие годы). URL: <https://www.fsb.org/> (дата обращения: 22.03.2022).

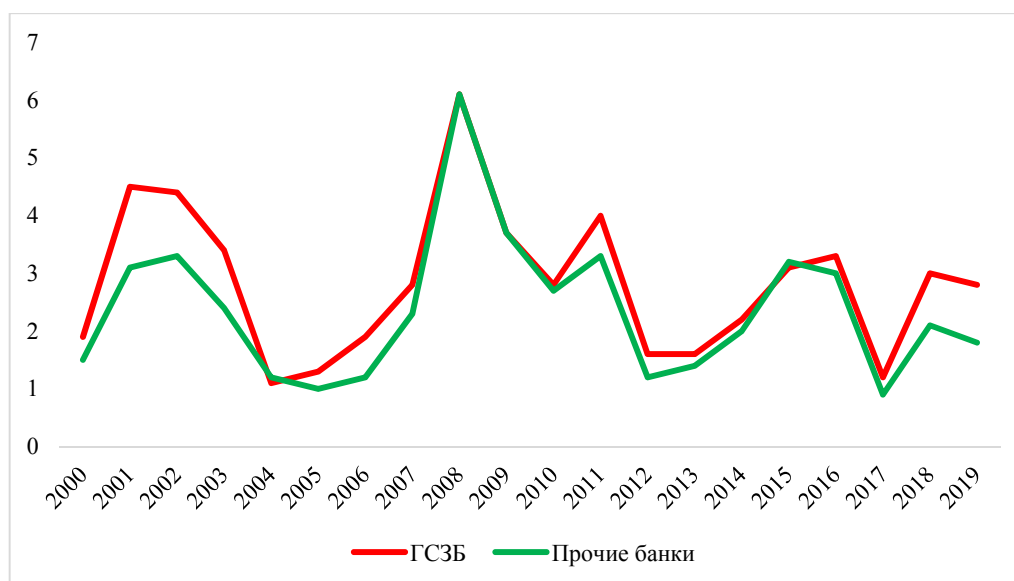

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика ΔCoVaR для ГСЗБ и остальных банков в 2000–2019 гг. / Dynamics of ΔCoVaR for G-SIBs and the Remaining Banks in 2000–2019

Источник / Source: Furukawa K. et al. [22].

дополнительного капитала для обеспечения непрерывной функциональности банков. Поскольку от оптимальности данного соотношения будет зависеть кредитный потенциал банков, уровень стрессоустойчивости в банковском секторе будет определять экономический рост, исходя из которого можно будет оценивать издержки, связанные с преодолением кризисных явлений.

Системные риски в контексте микропруденциального надзора

Современная мировая экономика находится под влиянием множества факторов, что затрудняет оценку системных рисков. Хотя реформа и способствовала их минимизации, отсутствие единых подходов к пониманию угроз системной стрессовости размывает понимание стрессоустойчивости и финансовой стабильности.

Экспертным сообществом предпринимаются определенные попытки сформировать концепцию оценки системных рисков. Одним из подходов является ΔCoVaR [21], в котором системные риски определяются как риски финансовой системы, обусловленные определенным событием (например, кризисными явлениями), что может стать причиной дисфункции банка. Другой подход заключается в агрегированном ΔCoVaR [22], который рассчитывается для группы финансовых институтов, включая ГСЗБ, и показывает его резкий рост для всех банков в выборке, колебания в период мирового финансового кризиса и последующее снижение, оставаясь волатильным, отражает пе-

риоды экономической нестабильности (рис. 1). Снижение ΔCoVaR свидетельствует о снижении системных рисков в международном масштабе; при этом данный показатель для ГСЗБ в целом выше, чем для других банков, т.е. уровень их системной рискогенности превышает рискогенность остальных категорий банков.

Системные риски оцениваются также с применением коэффициента SRISK [23, 24]. В отличие от ΔCoVaR , при помощи SRISK оценивается дефицит капитала в зависимости от особенностей банковской деятельности, включая объем активов, левверидж и уровень риска. Следует отметить, что SRISK может переоценить уровень системных рисков, поскольку в изначальной версии не учитывает упомянутый ранее показатель TLAC. Если же учесть активы, применяемые при расчете TLAC, то обнаруживается, что в 2019 г. доля ГСЗБ с дефицитом капитала в результате события системного стресса была ниже, чем в предшествовавшем мировому финансовому кризису 2007 г. (рис. 2).

Оценка стрессоустойчивости банков через призму системных рисков требует пристального внимания со стороны регуляторов. В экономической литературе уже имеется достаточное количество исследований, основанных на ΔCoVaR и SRISK, что способствует более четкому пониманию причин системных рисков, масштаба системной стрессовости и пределов их влияния как на отдельные банки, так и на банковский сектор в целом (см., например, [25, 26]). Кроме того, при помощи SRISK

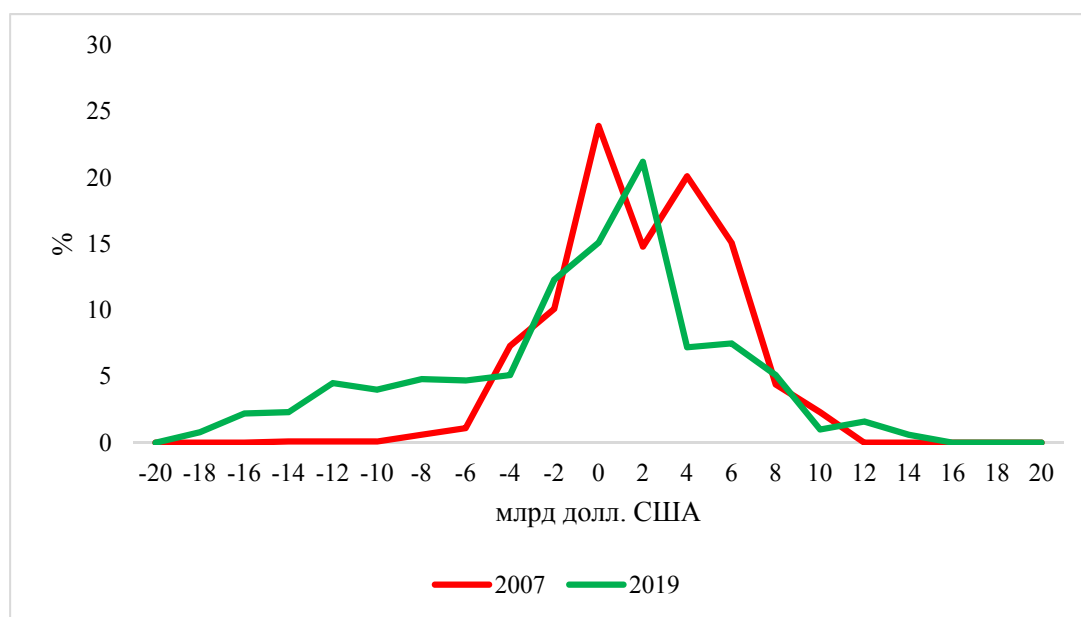

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение SRISK для ГСЗБ в 2007 и 2019 гг. / Distribution of SRISK for G-SIBs in 2007 and 2019

Источник / Source: Furukawa K. et al. [22].

была выявлена реакция потенциальных системных рисков банковского сектора на изменения в ДКП [27], что позволяет расширить понимание риск-ориентированного поведения банков. Расчеты, основанные на таких моделях, обычно показывают более высокий уровень системных рисков по сравнению с уровнем, выявленным на основе применения стандартов микропруденциального надзора. Вполне вероятно, что такой подход, будучи внедренным в регулятивную практику, оправдывает ожидания международных регуляторов в их поиске эффективных инструментов абсорбирования банками убытков от внешних шоков, что поможет точнее рассчитать объем средств, необходимых банкам для обеспечения функциональной независимости от кризисных явлений, а в итоге – повысить эффективность путей достижения финансовой стабильности.

АДАПТАЦИЯ БАНКОВ К ПОСТКРИЗИСНОЙ РЕГУЛЯТИВНОЙ МОДЕЛИ

Функциональность банков в условиях ужесточения микропруденциального надзора

Хотя реформа способствовала укреплению стрессоустойчивости банков, вопросы их адаптации к новым стандартам надзора и их роли в обеспечении экономического роста все еще требуют дополнительного исследования. Благодаря посткризисному расширению микропруденциальной политики заметно улучшилась

структура банковского капитала. Так, достаточность базового капитала 105 банков, осуществляющих активные операции на мировых финансовых рынках по версии Банка международных расчетов, возросла с 7,2% в 2011 г. до 14,0% в 2019 г., достаточность капитала первого уровня – с 3,5 до 6,0%, а объем высоколиквидных активов на их балансах увеличился на 50% за тот же период – до 10,7 трлн евро⁸.

С укреплением капитальной базы для банков открылись новые возможности: акценты в их деятельности сместились с рынка ценных бумаг на традиционную банковскую деятельность. Несмотря на возросшие требования к минимальному уровню левериджа и снижение в этой связи доходности капитала, банки, как было отмечено выше, смогли укрепить свою стрессоустойчивость. К концу 2016 г. процесс адаптации банковского сектора стран, внедривших стандарты Базеля III, в основном был завершен⁹.

Задачи по укреплению стрессоустойчивости потребовали от банков отвлечения ресурсов на формирование капитала и привлечение дополнительного объема ликвидности в качестве подушки безопасности в условиях нестабильности.

⁸ Bank for International Settlements (2021) Crossing the Basel III implementation line. 15 April. URL: <https://www.bis.org/speeches/sp210415.pdf> (дата обращения: 24.03.2022).

⁹ Structural changes in banking after the crisis. Bank for International Settlements. January 2018. P. 50. URL: <https://www.bis.org/publ/cgfs60.pdf> (дата обращения: 24.03.2022).

Соответственно процессы адаптации банков не могут не затронуть дилемму между задачами по обеспечению стрессоустойчивости и финансовой стабильности, с одной стороны, и экономическим ростом — с другой.

Адаптация банков к посткризисному регулированию как залог экономического роста

На ранних этапах реформы эксперты придерживались мнения о неизбежном снижении темпов роста ВВП в случае усиления требований к минимальной достаточности капитала, что снизило бы доступность кредитов¹⁰. Однако по мере продвижения реформы оценка ее влияния на экономический рост претерпела кардинальные изменения. Применение к банкам стандартов Базеля III наряду с мерами макропруденциального регулирования способствовало некоторому снижению уровня процикличности их деятельности [28] в основном вследствие перехода к более осторожной кредитной политике. На первый взгляд, в таких условиях кредитная активность банков должна иметь тенденцию к снижению и, соответственно, являться фактором замедления экономического роста [29], однако ряд исследований свидетельствует об обратном — контрцикличность регулятивной политики способствует экономическому росту [30, 31], что обусловлено не только укреплением кредитного потенциала банков, но также и приоритизацией ими традиционных банковских операций¹¹.

Расширение кредитных возможностей банков в условиях жесткости регулятивного механизма может показаться парадоксальным, однако тому имеются вполне рациональные причины, заключающиеся в незамедлительной корректировке их операционных моделей [32], включая диверсификацию источников дохода [33], оптимизацию структуры активов [34] и рост операционной прибыли [6]. При этом банковская деятельность нередко бывает сопряжена с повышенным риском [35], в том числе с целью извлечения дополнительной прибыли, необходимой для покрытия издержек по регулятивному соответствию. С другой стороны, снижение зависимости результатов

банковской деятельности от жесткости надзорных стандартов свидетельствует об успешной адаптации банков к реформе, что в значительной мере повысило их устойчивость к внешним шокам¹² и во многом снизило их уязвимость от кризисных явлений в период пандемии COVID-19, несмотря на ее неожиданность и неэкономические причины.

В этой связи фактически единственным путем разрешения дилеммы между экономическим ростом и финансовой стабильностью является обеспечение потенциала банковского сектора по предоставлению рынку дополнительной ликвидности вне зависимости от особенностей надзора и внешних шоков. Иными словами, уровень консерватизма банковской деятельности и надзорных требований должны быть ограничены в той мере, в какой они не являются тормозом экономического роста и снижения системной стрессовости.

ВЫВОДЫ

Международная реформа банковского регулирования достигла цели обеспечения стрессоустойчивости банков, что является одним из главных факторов финансовой стабильности. В частности, внедрение посткризисных стандартов надзора сопровождалось совершенствованием подходов к управлению кредитными рисками, сокращению дефицита капитала банков, а также снижением системных рисков. В то же время влияние реформы на экономический рост неоднозначно. Ужесточение надзора может сдерживать экономическую активность. С одной стороны, реформа привела к краткосрочному сжатию кредитного потенциала банков, что ограничило кредитование на ранних стадиях реформы и обусловило сравнительно медленное восстановление экономики после мирового финансового кризиса. С другой стороны, реформа предотвратила новые финансовые потрясения, экономические издержки которых могли бы девальвировать все предыдущие усилия регуляторов по обеспечению полноформатной функциональности банковского сектора. При этом последовательность реформы способствовала адаптации к ней банков без каких-либо видимых издержек, что, в свою очередь, стало залогом восстановления их роли драйверов экономического роста.

¹⁰ Assessing the macroeconomic impact of the transition to stronger capital and liquidity requirements. Bank for International Settlements. December 2010. P. 1. URL: <https://www.bis.org/publ/othp12.pdf> (дата обращения: 26.03.2022).

¹¹ Так, обращает на себя внимание увеличение баланса рассмотренных выше 105 банков за рассматриваемый период на 25%, который произошел в основном за счет увеличения объемов кредитования.

¹² Structural changes in banking after the crisis. Bank for International Settlements. January 2018. P. 50. URL: <https://www.bis.org/publ/cgfs60.pdf> (дата обращения: 26.03.2022).

Результаты исследования свидетельствуют о взаимодействии и взаимодополняемости целей реформы, способствуя формированию экономического иммунитета в банковском секторе. В то же время эффективность их взаимодействия сдерживается отсутствием единых подходов к оценке кредитных и системных рисков, а также отсутствием консенсуса по адаптационным возможностям банков.

Несмотря на своевременность превентивных мер регуляторов в отношении системных рисков, будущие периоды нестабильности могут потребовать принципиально иных подходов в отсутствие экономических рецептов, необходимых для минимизации последствий таких угроз. Вместе с тем, с учетом стрессоустойчивости мировых банковских систем в период пандемии COVID-19, маловероятно, что останутся какие-то причины для уязвимости банков к внешним шокам,

которые могли бы привести к их дисфункции. Однако, понимая непредсказуемость особенностей и масштаба будущих кризисов и в целях укрепления антикризисного фундамента регулирования, внедрение в надзорную практику единых, унифицированных подходов к оценке системных рисков представляется неизбежным. В этой связи дальнейшее совершенствование регулятивного механизма могло бы быть основано на единых критериях стрессоустойчивости банков, согласованных на международном уровне с учетом особенностей национальных банковских систем. При этом сближение регулятивной политики могло бы быть основано на опыте ЕС по созданию наднациональных органов финансового регулирования. Для этой цели потребуются выработать стимулы сближения, а для стран, не являющихся членами БКБН, — стимулы присоединения к Базельским соглашениям.

БЛАГОДАРНОСТИ

Данная статья подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в рамках конкурса проектных групп в 2021 г. НИУ ВШЭ, Москва, Россия. Авторы выражают благодарность доценту А. В. Подругиной за ценные комментарии, полученные в ходе подготовки статьи. Авторы также отмечают качественную работу и исследовательский энтузиазм участников проектной группы М. Г. Алексеевой, Д. В. Евревой и М. К. Рожковой.

ACKNOWLEDGEMENTS

This article was supported by the grant of the Faculty of World Economy and International Affairs of the Higher School of Economics under the project groups competition in 2021. HSE University, Moscow, Russia.

The authors are grateful to Senior Lecturer Anastasia V. Podrugina for her valuable comments received during our work on this article. The authors also note the high-quality work and the research enthusiasm of the project team members Maria G. Alekseeva, Daria V. Evreeva and Maria K. Rozhkova.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Khan H. H. Bank competition, financial development and macroeconomic stability: Empirical evidence from emerging economies. *Economic Systems*. 2022;46(4):101022. DOI: 10.1016/j.ecosys.2022.101022
2. Borsuk M., Budnik K., Volk M. Buffer use and lending impact. ECB Macroeprudential Bulletin. 2020;(11). URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/financial-stability/macroeprudential-bulletin/html/ecb.mpbu202010_2~400e8324f1.en.html
3. Gehrig T., Iannino M. C. Did the Basel Process of capital regulation enhance the resiliency of European banks? *Journal of Financial Stability*. 2021;55:100904. DOI: 10.1016/j.jfs.2021.100904
4. Pochea M. M., Nițoi M. The impact of prudential toolkits on loan growth in Central and Eastern European banking systems. *Economic Systems*. 2021;45(1):100767. DOI: 10.1016/j.ecosys.2020.100767
5. Behn M., Schramm A. The impact of G-SIB identification on bank lending: Evidence from syndicated loans. *Journal of Financial Stability*. 2021;57:100930. DOI: 10.1016/j.jfs.2021.100930
6. Le T. N. L., Nasir M. A., Huynh T. L. D. Capital requirements and banks performance under Basel-III: A comparative analysis of Australian and British banks. *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 2023;87:146–157. DOI: 10.1016/j.qref.2020.06.001
7. Naceur S. B., Marton K., Roulet C. Basel III and bank-lending: Evidence from the United States and Europe. *Journal of Financial Stability*. 2018;39:1–27. DOI: 10.1016/j.jfs.2018.08.002

8. Cappelletti G., Marques A. P., Vassaro P., Budrys Ž., Peeters J. Impact of higher capital buffers on banks' lending and risk-taking: Evidence from the Euro Area experiments. ECB Working Paper. 2019;(2292). URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2292~77deb8b18f.en.pdf>
9. Cantú C., Lobato R., López C., López-Gallo F. A loan-level analysis of financial resilience in Mexico. *Journal of Banking & Finance*. 2022;135:105951. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2020.105951
10. Bui C., Scheule H., Wu E. The value of bank capital buffers in maintaining financial system resilience. *Journal of Financial Stability*. 2017;33:23–40. DOI: 10.1016/j.jfs.2017.10.006
11. Dua P., Kapur H. Macro stress testing and resilience assessment of Indian banking. *Journal of Policy Modeling*. 2018;40(2):452–475. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2018.01.005
12. Andrieș A. M., Ongena S., Sprincean N., Tunaru R. Risk spillovers and interconnectedness between systemically important institutions. *Journal of Financial Stability*. 2022;58:100963. DOI: 10.1016/j.jfs.2021.100963
13. Cabrera M., Dwyer G. P., Nieto M. J. The G-20's regulatory agenda and banks' risk. *Journal of Financial Stability*. 2018;39:66–78. DOI: 10.1016/j.jfs.2018.09.001
14. Джигитян Э.П., Орехов М.И. Глобальные системно значимые банки: все еще угроза для финансовой стабильности? *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2022;17(3):48–74. DOI: 10.17323/1996–7845–2022–03–03
Dzhagityan E., Orekhov M. Global systemically important banks: Do they still pose risks for financial stability? *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = International Organisations Research Journal*. 2022;17(3):48–74. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996–7845–2022–03–03
15. Poledna S., Bochmann O., Thurner S. Basel III capital surcharges for G-SIBs are far less effective in managing systemic risk in comparison to network-based, systemic risk-dependent financial transaction taxes. *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2017;77:231–246. DOI: 10.1016/j.jedc.2017.02.004
16. Bongini P., Clemente G. P., Grassi R. Interconnectedness, G-SIBs and network dynamics of global banking. *Finance Research Letters*. 2018;27:185–192. DOI: 10.1016/j.frl.2018.03.002
17. Martynova N., Vogel U. Banks' complexity-risk nexus and the role of regulation. *Journal of Banking & Finance*. 2022;134:106120. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2021.106120
18. Bakkar Y., Nyola A. P. Internationalization, foreign complexity and systemic risk: Evidence from European banks. *Journal of Financial Stability*. 2021;55:100892. DOI: 10.1016/j.jfs.2021.100892
19. Morelli D., Vioto D. Assessing the contribution of China's financial sectors to systemic risk. *Journal of Financial Stability*. 2020;50:100777. DOI: 10.1016/j.jfs.2020.100777
20. Wang G.-J., Jiang Z.-Q., Lin M., Xie C., Stanley H. E. Interconnectedness and systemic risk of China's financial institutions. *Emerging Markets Review*. 2018;35:1–18. DOI: 10.1016/j.ememar.2017.12.001
21. Adrian T., Brunnermeier M. K. CoVaR. *American Economic Review*. 2016;106(7):1705–1741. DOI: 10.1257/aer.20120555
22. Furukawa K., Ichiue H., Kimura Y., Shiraki N. Too-big-to-fail reforms and systemic risk. Bank of Japan Working Paper Series. 2021;(21-E-1). URL: https://www.boj.or.jp/en/research/wps_rev/wps_2021/data/wp21e01.pdf
23. Acharya V., Engle R., Richardson M. Capital shortfall: A new approach to ranking and regulating systemic risks. *American Economic Review*. 2012;102(3):59–64. DOI: 10.1257/aer.102.3.59
24. Brownlees C. T., Engle R. F. SRISK: A conditional capital shortfall measure of systemic risk. *The Review of Financial Studies*. 2017;30(1):48–79. DOI: 10.1093/rfs/hhw060
25. Nivorozhkin E., Chondrogiannis I. Shifting balances of systemic risk in the Chinese banking sector: Determinants and trends. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. 2022;76:101465. DOI: 10.1016/j.intfin.2021.101465
26. Brownlees C., Chabot B., Ghysels E., Kurz C. Back to the future: Backtesting systemic risk measures during historical bank runs and the great depression. *Journal of Banking & Finance*. 2020;113:105736. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2020.105736
27. Джигитян Э.П., Мухаметов О.Р. Влияние денежно-кредитной политики на системные риски в странах еврозоны. *Вопросы экономики*. 2023;(12):86–102. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-12-86-102
Dzhagityan E. P., Mukhametov O. R. The effect of the ECB's unconventional monetary policy on systemic risks in the eurozone. *Voprosy ekonomiki*. 2023;(12):86–102. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2023-12-86-102

28. Yu J., Ryu D. Effectiveness of the Basel III framework: Procyclicality in the banking sector and macroeconomic fluctuations. *The Singapore Economic Review*. 2021;66(3):855–879. DOI: 10.1142/S 0217590820460066
29. Asteriou D., Spanos K. The relationship between financial development and economic growth during the recent crisis: Evidence from the EU. *Finance Research Letters*. 2019;28:238–245. DOI: 10.1016/j.frl.2018.05.011
30. Stewart R., Chowdhury M., Arjoon V. Bank stability and economic growth: Trade-offs or opportunities? *Empirical Economics*. 2021;61(2):827–853. DOI: 10.1007/s00181-020-01886-4
31. Neanidis K. C. Volatile capital flows and economic growth: The role of banking supervision. *Journal of Financial Stability*. 2019;40:77–93. DOI: 10.1016/j.jfs.2018.05.002
32. Behn M., Mangiante G., Parisi L., Wedow M. Behind the scenes of the beauty contest: Window dressing and the G-SIB framework. ECB Working Paper Series. 2019;(2298). URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2298~c461fb89c7.en.pdf>
33. Oino I. Impact of regulatory capital on European banks financial performance: A review of post global financial crisis. *Research in International Business and Finance*. 2018;44:309–318. DOI: 10.1016/j.ribaf.2017.07.099
34. Mayordomo S., Rodríguez-Moreno M. How do European banks cope with macroprudential capital requirements. *Finance Research Letters*. 2021;38:101459. DOI: 10.1016/j.frl.2020.101459
35. Sivec V., Volk M. Bank response to policy-related changes in capital requirements. *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 2021;80:868–877. DOI: 10.1016/j.qref.2019.04.013

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Эдуард Павлович Джагитян — кандидат экономических наук, доцент, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Eduard P. Dzhagityan — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., HSE University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3164-4696>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
edzhagityan@hse.ru

Оскар Рустямович Мухаметов — аспирант, приглашенный преподаватель, НИУ ВШЭ, Москва, Россия; аналитик, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов России, Москва, Россия

Oscar R. Mukhametov — PhD student, Visiting Lecturer, HSE University, Moscow, Russia; Analyst, Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-2768-1216>
or.mukhametov@hse.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 28.09.2022; после рецензирования 26.10.2022; принята к публикации 26.11.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 28.09.2022; revised on 26.10.2022. and accepted for publication on 26.11.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.